

Секция VII. Аспектология русского глагола

Об одной группе двувидовых глаголов в современном русском языке

Н. В. Андросюк

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Русский глагол, двувидовой глагол, малоупотребительные двувидовые глаголы, терминологическая лексика

Summary. In this theses the functioning of group of rare useful two-aspects verbs in the contemporary discourse is researched.

1. Традиционно двувидовые глаголы в современном русском языке распределяют на 2 группы: исконно русского происхождения (насчитывает до 40 глаголов) и иностранного происхождения (более 1000 глаголов). По функциональным и стилистическим характеристикам эти глаголы можно разделить на общеупотребительные (примерно 620) и малоупотребительные (примерно 470) глаголов. Основной пласт малоупотребительных двувидовых глаголов состоит из терминологической узко специальной лексики (*ранжировать, коагулировать, суспензировать* и др.), и книжной лексики (*нивелировать, манкировать* и т. д.), зафиксированной словарями [1], [3], [4].

2. Количество двувидовых глаголов постоянно возрастает за счет современных заимствований. Границы между общеупотребительной и малоупотребительной лексикой подвижны, глаголы переходят из одной группы в другую, незначительная часть уходит в пассив. По нашим данным, малоупотребительная лексика составляет 43% от общего количества двувидовых глаголов. Более половины глаголов (52%) заимствовано из немецкого языка, 39% из французского, остальные (10%) из английского, итальянского, греческого, латинского, польского языков.

3. Данная лексика используется преимущественно в научном, а также в публицистическом и в художественном стилях речи: *Олимпиада, как событие социально значимое и аккумулирующее массы, всегда была лакомым куском для террористов* («АРТ мозаика». № 31 (372). 2004); – *Я пальпировала ее живот, – заявила Маруся. – Что ты сделала? – не поняла я. – Ну пощупала ей пузо, по-моему, там опухоль* (Д. Донцова).

4. Семантические преобразования протекают в настоящее время чрезвычайно интенсивно, стремительно расширяется сочетаемость слов, что приводит к быстрому образованию новых значений. Двувидовые глаголы развивают вторичные значения, не всегда отраженные в словарях. Данные глаголы достаточно сложно диагностировать с точки зрения характера и степени новизны. В последнее время развили новые значения такие глаголы, как *санкционировать, синтезировать, русифицировать*, что уже зафиксировано словарем [1]. Процесс ассимиляции глаголов в русском языке продолжается, и мы выявили новые, еще не зафиксированные в словарях, значения и у других глаголов. Например, **депонировать**: «(финансовый и юридический термин) – 1. передать / передавать на хранение; 2. вносить / внести депозит» – может использоваться как в своем прямом значении: 1. ...*клиентам важно иметь возможность получить и депонировать средства прямо в своем отделении банка* (www.spcc.ru.

2005); 2. *Продавцы обычно депонируют полученные чеки, а не получают по ним наличными* [www.libertarium.ru], так и в значении «хранить, накапливать»: *Печень может депонировать жира намного больше, чем гликогена* (http://sportelement.ru. 2005). Глагол **сублимировать**: «(химический термин) – сов и несов. 1. производить / произвести сублимацию (переход вещества из твердого в газообразное состояние)» – в публицистическом дискурсе сохраняет только элемент значения «переход из одного состояния в другое»: *Смог бы сублимировать ее в творчество, либо через страдания переродился и стал другим человеком* («Столичка». 2005). Некоторые словари дают совершенно различные толкования значений глагола, например, **декатировать**: «сов. и несов. Обрабатывать ткань паром, горячей водой для предохранения от усадки» [2]; «Удалять / удалить с поверхности металлических изделий тонкую пленку окислов путем травления слабым раствором кислоты» [4]. Более поздние словари фиксируют появление омонимов у некоторых двувидовых глаголов, также являющихся двувидовыми (*трассировать*).

5. В составе данной группы глаголов есть и устаревшие, однако их количество незначительно (1,5%). Это такие глаголы, как *анажировать, блиндировать, октроировать, рекрутировать, ресторировать* и др.

6. Новые двувидовые глаголы образуются в русском языке путем префиксации (префиксы **пере-**, **ре-**, **анти-** + двувидовой глагол: *культивировать* → *перекультивировать*, *эмигрировать* → *реэмигрировать* *датировать* → *антидатировать* и др.) и суффиксации (существительное + **-ировать**, **-изировать**: *рецепция* → *реципировать*, *синдикат* → *синдицировать*, *пауперизация* → *пауперизировать* и др.).

7. Подавляющее большинство составляют глаголы с минимальной фазовой парадигмой (97%). Это парадигма, состоящая из двух глаголов: видовой пары совершенного и несовершенного вида. И лишь 3 % имеют префиксальные образования, хотя в речи используется преимущественно беспрефиксальный вариант.

Литература

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 2003.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под редакцией Г. Н. Складчиковой. СПб., 2002.
4. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. 2-е изд., доп. М., 2000.

Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности

Т. В. Белашапкина

Государственная академия славянской культуры, Москва

Когнитивная лингвистика, категория аспектуальности, фрейм, идеализированная когнитивная модель, дискурс

Summary. The research is based in the principles of cognitive linguistics. The category of aspectuality is described as a set of nine primitive-concepts, which serve to modify a situation. These concepts are conveyed by three frame types: the surface syntactic frame, the surface semantic frame and finally the thematic one. Comprehension of frames became possible due to three cognitive models: propositional, image-schema and metaphorical. The comparative analysis of discourses belonging to the second half of the XIX and XX cc. showed the development of human being's language mind.

Современная российская лингвистика за последние четверть века прошла путь от ономазиологических исследований к формированию когнитивного взгляда на устройство и организацию языка. Результатом этого развития можно считать выдвижение в российской лингвистике новой парадиг-

мы знания – *когнитивно-дискурсивной парадигмы*, методология которой была сформулирована Е. С. Кубряковой. Данное исследование выполнено в русле этой парадигмы.

В результате было установлено, что категория аспектуальности обладает особой структурой: ее составляющие не

образуют подклассов с отношениями «выше – ниже» (как это свойственно системам категорий, которые создавались человеком еще со времен Аристотеля для упорядочения знаний об объекте), а являются равноправными членами. Таким образом, категория аспектуальности представлена в языковом сознании человека не как полевая структура, а как набор дифференциальных признаков, которые в речевой деятельности могут давать самые разные объединения. Это позволяет говорить о том, что **категория аспектуальности** являет собой **набор девяти концептов-примитивов** (*единичность, длительность, начало, продолжение, конец, результативность, повторяемость, степень проявления, соотношение с нормой*), **служащих для модификации ситуации и передающихся в языке тремя типами фреймов: поверхностным синтаксическим, поверхностным семантическим и тематическим, – осмысление которых происходит с помощью трех когнитивных моделей: пропозициональной, образно-схематической, метафорической.**

В основу данного когнитивного исследования – описания категории аспектуальности – была положена теория фреймов М. Минского и теория идеализированной когнитивной модели (ИКМ) Дж. Лакоффа.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что выделяемые концепты являются **концептами-примитивами**, потому что, во-первых, они обозначают не ситуацию, а лишь ее характеристики, во-вторых, они обладают свойством семантических примитивов, выделяемых А. Вежбицкой – обозначаются абстрактными словами. Но в отличие от семантических примитивов, где семантический примитив это слово, они обладают иным планом выражения – от слова до текста. Таким образом, можно говорить о том, что базовый уровень сознания включает разноплановые единицы от слова до текста.

Использование пропозиционального критерия позволило по-новому взглянуть на традиционную и общепринятую точку зрения об организации категории аспектуальности, а именно расширить представление о сфере ее существования. Этот критерий позволил ввести в сферу аспектуальности, помимо поверхностного синтаксического фрейма, являющегося традиционным объектом исследования, и прагматический аспект, и вторичную аспектуальность, а также и особые текстовые образования, передаваемые поверхностным семантическим фреймом, тематическим фреймом.

Последовательное использование пропозиционального критерия позволило по-иному взглянуть на связь между категорией вида и категорией аспектуальности. Когнитивный подход позволил увидеть, что традиционная аспектология, есть объединение двух совершенно разнородных явлений: аспектуальности и грамматического значения вида. Ас-

пектуальность – это определенный набор концептов-примитивов. Значение вида – это характеристика пропозиции, предиката, суть которой заключается в определенной маркированности по параметру предельность / неpredельность. А у предельных пропозиций, предикатов – достижения / недостижения ими предела.

Сопоставительный анализ дискурсов второй половины XIX века и XX века позволил увидеть динамику развития языкового сознания человека.

Категория аспектуальности в современном дискурсе передается тремя ИКМ: пропозициональной, образно-схематической, метафорической. Каждая ИКМ имеет собственную продуктивность в современном дискурсе. Так, наиболее продуктивной является пропозициональная ИКМ, с помощью которой передаются все концепты. Образно-схематическая ИКМ участвует в передаче только одного концепта: *степень проявления*, вариант – *количественная детерминация действия в зоне выше нормы*. Метафорическая ИКМ участвует в передаче двух концептов: *степень проявления* и *начало*.

Фреймы также обладают индивидуальной продуктивностью. Так, наиболее продуктивным является поверхностный синтаксический фрейм, который участвует в передаче всех концептов. Поверхностный семантический фрейм передает концепт *степень проявления*. Тематический фрейм участвует в передаче пяти концептов: *степень проявления, единичность, длительность, начало, повторяемость*, вариант *итеративность*.

В дискурсе второй половины XIX века категория аспектуальности передается только двумя ИКМ: пропозициональной, образно-схематической. Каждая ИКМ имеет собственную продуктивность. Так, наиболее продуктивной является пропозициональная ИКМ, с помощью которой передаются все концепты. Образно-схематическая ИКМ участвует в передаче только одного концепта: *степень проявления*, вариант – *количественная детерминация действия в зоне выше нормы*.

Количество фреймов, участвующих в передаче категории аспектуальности, также меньше – это поверхностный синтаксический фрейм и тематический фрейм. Поверхностный синтаксический фрейм участвует в передаче всех концептов. Тематический фрейм – в передаче концептов *единичность, повторяемость*, вариант *итеративность*.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в период со второй половины XIX века по конец XX века наблюдалась эволюция человеческой когниции при передаче категории аспектуальности. Это наблюдалось в увеличении количества ИКМ, задействованных в передаче исследуемой категории: в XX веке метафорическая ИКМ стала одним из достаточно продуктивных способов передачи.

Об одной разновидности условных предложений (гипотаксис презенса СВ и его аналогов)

Д. П. Войводиц

Новисадский университет (Сербия)

dojcilv@mail.ru

Условные предложения, презенс СВ, реальная / эвентуальная обусловленность, русский и сербский языки

Summary. In this paper (on the Russian and Serbian language material) the use of the Present / Future Perfective and its analogues in a subordinate part (“conditional clause”) of conditional sentences in which temporal orientation in both condition (protasis) and consequence (apodosis) is connected with the future tense is being considered. On the basis of the research, two types of conditionality – “real” and “eventual” – are being offered. They are to be differentiated by semantic interpretation of modal sense of situations where they occur.

1. Условные предложения как бипредикативные синтаксические (взаимо)связи оформляются в самых различных языках, в том числе и славянских, двумя способами: (а) лексически – с помощью присоединения придаточных условных к главной части сложноподчиненного предложения посредством союзов (рус. *если / если бы* и т. п.; серб. *ако / ако би* и т. п.) и (б) грамматически – при помощи лексико-морфологических средств (императива, инфинитива, деепричастия и др.) в придаточной части предложения (ср. рус.: *Приди я вовремя, я бы его застал дома*). Данные предложения, придаточная часть которых выражает условие, являющееся исходной основой выражения (осуществления) следствия в главной части, могут иметь модальные значения: (1) реальной («если действительно»), (2) эвентуальной («если слу-

чайно» / «если покажется»), (3) потенциальной («если быть может») и (4) ирреальной («если вообще») гипотетической обусловленности. В литературе по этому вопросу не всегда различаются реальная и эвентуальная обусловленности: оба случая рассматриваются как реальные (ср. [1]). Также не различаются эвентуальная и потенциальная обусловленности (ср. [2], где выделяются нереальные и потенциальные условные предложения; ср. также: [3], [4]).

2. Особый интерес в этом отношении в русском и других славянских языках представляют условные предложения, в придаточной части которых используется форма настоящего-будущего совершенного вида (презенс СВ) и где темпоральная ориентация как условия (протазис), так и следствия (аподозис) связана с будущим временем. Конкретный ана-

лиз гипотаксиса презенса СВ (а также его аналогов) проводится на материале условных предложений в русском и сербском языках, в каждом из которых данная форма отличается специфическим употреблением, связанным с различными семантическими интерпретациями. Речь идет, в первую очередь, о предложениях, введенных с помощью союза *если* в русском языке и его эквивалента *ako* в сербском языке, напр.: (1) *Я тебе отвечу на письмо, если ты принесешь мне цветов* (А. Приставкин) [*Одговорићу ти на писмо, ако ми донесеши цв(и)јеће*]. Приведенное условное предложение в русском языке может иметь два «прочтения», первое из которых имеет значение реальной обусловленности (когда положение дел в придаточной части предложения можно обозначить как «если действительно принесешь»), а второе – значение эвентуальной обусловленности (когда положение дел можно обозначить как «если случайно принесешь»; ср. серб.). Следует отметить, что в русистике (ср. [2]) второе значение (в русском условном предложении), как правило, интерпретируется как потенциальная обусловленность (возможность положения дел).

3. Для пояснения интерпретации употребления русского презенса СВ в значении реальной обусловленности можно сравнить употребление «актуального» индикатива – футурума I (СВ и НСВ) в реально-условном предложении в сербском языке и его эквивалентов – простого (презенса СВ) и сложного будущего в русском языке: (2) *Ако ћеш доћи / долазити* (= «действительно») *сутра, прочитаћеш књигу* [(!)*Если ты (действительно) придешь / будешь приходить завтра, (то) прочитаешь книгу*]. Русский пример показывает, что презенс СВ без добавочного контекста (*действительно*), в принципе, не способен четко отличить «актуальный» от «виртуального» индикатива, т. е. реальное от эвентуального значения. Настоящая невозможность дифференциации двух условных значений характерна не только для русского языка, но и для всех других севернославянских (восточных и западных) языков. Форма презенса СВ в примере (1) в сербском языке используется только в одном значении – эвентуальном; для реализации реальной обусловленности в будущем времени используются формы футурума, как это представлено в примере (2). Сербский язык, наряду с презенсом СВ, имеет еще одно средство для выражения эвентуальной обусловленности. Это форма футурума II, представляющая собой сочетание презентной формы вспомогательного глагола *бити* и причастия на *-л* спрягаемого глагола СВ и НСВ (*будем дошао / долазио*), которая совпадает с одной из аналитических форм будущего времени в польском языке. Такое совпадение лишь формальное, что наглядно прослеживается в употреблении. Иными словами, в польской форме спрягаемый глагол всегда НСВ, и она используется (наряду с другой аналитической формой, содержащей инфинитив НСВ, и формой простого будущего –

презенса СВ) и в главной, и в придаточной части условных предложений (как и в словенском языке, в котором данный тип футурума образуется от обоих видов; ср. *bom prišel / prihajal*), в то время как сербская форма используется лишь в придаточной части; ср. в качестве иллюстрации следующее польское предложение (в котором используются все футуральные формы, выражающие совместимость, а тем самым и неразличение реального и эвентуального условного значений) и его эквиваленты в сербском языке (в которых четко разграничены эти два значения): (3) *Jeżeli będziesz przychodził / przychodzić // przyjdiesz* (= «если действительно» / «если случайно») *jutro, będziesz czytał / czytać // przeczytasz książkę* [(3а) *Ako ћеш доћи / долазити* (= «если действительно») *сутра, читаћеш / прочитаћеш књигу*; (3б) *Ako будућу дошао / долазио // доћеш* (= «если случайно») *сутра, читаћеш / прочитаћеш книгу*].

4. Приведенный польский пример еще раз подтверждает справедливость вышеизложенного замечания, что севернославянские языки, в том числе и русский, в отличие от сербского и (в принципе) других южнославянских языков, не имеют формальных (грамматических) средств для разграничения реальной («если действительно») и эвентуальной («если случайно») обусловленности. Разграничение возможно лишь с помощью добавочного лексического контекста, которым поясняется каждое из упомянутых значений (ср., в частности, [5]). Презенс СВ в сербском языке, формально совпадающий в условных предложениях с русской и другими севернославянскими футуральными формами СВ, никогда не обозначает реальную обусловленность, а только – эвентуальную. Сопоставительный анализ материала позволяет сделать вывод, что инвентарь средств, с помощью которых выражаются приведенные типы модальных гипотетических отношений в сербском языке, гораздо богаче, чем в русском. В заключение следует подчеркнуть, что именно указанные специфические признаки каждого из сопоставляемых языков представляют собой типологическую границу в рассматриваемом плане между русским (севернославянскими) и сербским (южнославянскими) языками.

Литература

1. Стевановић М. Савремени српскохрватски језик II: Синтакса. Београд, 1969.
2. Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
3. Храковский В. С. Условные конструкции (опыт исчисления) / Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 175–213.
4. Пунер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б. Синтакса савременог српског језика: Проста реченица / У ред. М. Ивић. Београд, 2005.
5. *Vojvodić D. Modalna upotreba ruskog i hrvatskosrpskog perfektivnog prezenta u uvjetnim rečenicama* / Живи језици. 1989. № 1–4. С. 24–31.

Аспектуальное структурирование реальности русскоговорящими и иная логика

О. К. Грекова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аспектуальное структурирование ситуации, цепочка действий, общефактическое значение, план содержания и план выражения, типологизация языковых значений

Summary. The paper concerns the aspectual structurization of reality by Russian native speakers and the different logic. While Russian type is sort of a theatric one with the stage and the background, foreigners tend to establish different language meanings` typology and additional verbal forms` connections: they broaden the boundaries of the “chain of actions” phenomenon (seeing no difference between the denotative situation and forms of its description) as well as that of the “general fact” (which results in the preference for the imperfective forms).

1. Являясь средством международного общения, русский язык в процессе его изучения инофонами осмысливается ими всесторонне, в том числе и с точки зрения аспектуального структурирования реальности, то есть характеристик типа протекания действия или состояния во времени. Традиционно сложившееся и очерченное в трудах ведущих аспектологов аспектуальное структурирование фрагментов действительности состоит, с одной стороны, в представлении о безусловно точной характеристике типа протекания каждого действия (что длительно – то только длительно, что завершено – то только завершено), а с другой – в «театральном», условно говоря, устройстве многих фрагментов реальности. Последнее заключается в разделении действий и состояний на те, что происходят ближе к зрителю, и фоновые действия, воплощающие некий «задник сцены».

2. Структурирование действительности русскоговорящими, хотя и не отрицается никогда полностью инофонами, но и не мешает им видеть стереоскопическую картину фрагмента реальности по-своему, равно как и устанавливать свои связи (в том числе и ложные) между названными в предложении и микротексте действиями / состояниями / явлениями. Подобного рода «иная логика» порождает множество неверных высказываний с ошибками подчас забавными, но всегда проливающими дополнительный свет на аспектологические постулаты функциональной грамматики.

3. Достаточно типичным проявлением иной логики является чрезмерно расширительное представление о возникновении явления «цепочки действий», или последовательности сменяющих друг друга действий, реализуемого в формах прошедшего и будущего времени совершенного вида.

Происходит это в силу неразличения плана содержания и плана выражения. Последнее приводит к тому, что, не разграничивая цепочку действий денотативную, представленную в реальности, с одной стороны, и цепочку глагольных форм текста – с другой, инофоны строят высказывание, преимущественно включающее формы совершенного вида – в ущерб использованию форм вида несовершенного.

4. Общим проявлением много структурирования реальности является иная типологизация языковых значений, иное представление об их равноположенности / неравноположенности. Так, инофоны усматривают явление цепочки действий в действиях, связанных обстоятельственными отношениями, считая последовательность значений неравноположенным последним, таким, которое может налагаться на них. Между тем в русской цепочке действий обстоятельственные отношения ее элементов отсутствуют.

5. Типичной является также экстраполяция значений личных форм русского глагола на неличные (как например выстраивание цепочки действий из императивов или инфинитивов при одном управляющем слове).

6. Фактом иной логики является функциональная перегрузка общефактического значения. Носители французского

и немецкого языков, исходя из возможности номинации действия вне характеристик типа его протекания во времени, стремясь избежать ошибочных высказываний, пытаются в разговоре о прошлом ограничиться выражением исключительно этого значения с помощью форм прошедшего времени несовершенного вида. Таким образом, в их речи не реализуются значения перфектности, завершенности, мгновенности, однократности и другие, а множество высказываний суть ошибочны. Нередко общефактическое значение трактуется как экзистенциальная основа всех значений всех видовременных форм. В этом случае и в будущем времени преобладает несовершенный вид. В речи же носителей русского языка общефактическое значение реализуется лишь в определенных контекстах.

7. Иная логика аспектуального структурирования действительности инофонами, чуждая русскоговорящим, лишь отчасти порождена явлениями интерференции родного языка; главным образом это результат неразличения плана содержания и плана выражения, иная (в том числе и ложная) типологизация языковых значений, возникновение ложных коннотаций, неверная трактовка сферы действия единиц той или иной семантики.

О зависимом таксисе в испанском и русском языках

Р. Гусман Тирадо

Гранадакский университет (Испания)

rguzman@ugr.es

Синтаксис, типология, испанский язык, русский язык

Summary. The report is dedicated to the analysis of the dependent taxis in Russian and Spanish languages. The means of expression of this category are studied, paying attention to the differences existing in both languages.

Хронологическая последовательность событий является одним из основных критериев, отражающих структуру временного процесса в целом, поэтому хронологические отношения между действиями важны для организации предложений. «В разных типах сложных предложений существуют специфические закономерности, регулирующие характер предикативных единиц или их контекстуальных эквивалентов, составляющих части сложного предложения» [1, 144].

Некоторые ученые считают, что по отношению к русскому языку целесообразно говорить об особой грамматической категории таксиса (термин Р. О. Якобсона), которая получила в русистике многоаспектное изучение (см. работы К. С. Маслова, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, В. С. Храковского и др.).

Р. О. Якобсон четко разграничивает различные типы отношений, входящие в понятия «зависимый» и «независимый таксис». Зависимый таксис характеризуется несамостоятельностью одного из компонентов предикативного комплекса, являясь носителем «вторичной» предикации, «сопутствующей» полной, и выражается в русском языке причастием и деепричастием. В свою очередь, независимый таксис не обладает данным признаком и характеризуется самостоятельной временной ориентацией каждого из действий, между которыми устанавливаются таксисные отношения (см. об этом [10]).

Зависимый таксис определяется как временное отношение между действиями, из которых одно является главным, а другое – сопутствующим. В сфере зависимого таксиса центром оказываются конструкции с деепричастием совершенного и несовершенного вида. В своей работе мы рассматриваем средства выражения зависимого таксиса в русском и испанском языке.

Категория таксиса в испанском языке до сих пор не была предметом специального исследования, поэтому изучение таксисных отношений на материале данного языка представляется особо актуальным.

Литература

1. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.
2. Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
3. Гусман Тирадо Р. Выражение хронологических отношений между действиями в сложноподчиненном предложении в русском языке. М., 1993.
4. Гусман Тирадо Р. Функционально-семантическое поле аспектуальности в русском и испанском языках: опыт функциональной грамматики // Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М., 1998.
5. Дмитриева Л. К. Таксис в ряду однородности // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.
6. Золотова Г. А. Аспектологические проблемы с точки зрения структуры текста // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. М., 1997.
7. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии, Л., 1978. С. 4–44.
8. Петрухина Е. В. Рецензия на книгу: А. В. Бондарко. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996 // Вопросы языкознания. 1998 № 6.
9. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990. № 5.
10. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
11. Alarcos Llorach E. Estudios de gramática funcional del español, Madrid. 1978.

Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации и проблема словообразовательной диахронии

О. И. Дмитриева

Педагогический институт Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

Историческое глагольное словообразование

Summary. The article discovers tendencies in the systematic formation of Russian verbs, built up with the help of prefixes, starting from the XI century till the present time. Dynamic models, represented by the author, reflect common trends in semantic evolution of prefixes and specific interaction of prefixes with the main groups of derivative verbs.

В лингвистике в целом, а в дериватологии в особенности, довольно отчетливо постулируется необходимость разгра-

ничения синхронии и диахронии. По существу теоретический аппарат словообразования формировался на основе

описания и обобщения фактов современного состояния системы языка. Это представляется некоторой абсолютизацией сосюрровской идеи о противопоставленности синхронного и диахронного подходов к изучению языка.

В последние годы отчетливо высказывается идея о неправомерности противопоставления синхронного и диахронного словообразования, о том, «что синхронное словообразование есть не что иное, как функциональный аспект словообразования вообще, что словообразование едино, и как таковое, оно по преимуществу исторично» [1, 17].

Синхронно-диахронный подход к исследованию словообразовательных процессов и подсистем получил обоснование в работах Г. Н. Николаева [2], Л. И. Баранниковой [3], развивающих взгляды И. А. Бодуэна де Куртене на диахронию как процесс. Этот подход открывает новые перспективы в исследовании словообразования. Он позволяет рассматривать исторические процессы исходя из системного статуса изменяющихся объектов, при этом историческая стабильность языковых фактов в исторический период осмысливается как этап в постоянном развитии языка. «Сам факт признания двух разных подходов к языку: синхронного, опирающегося на системный анализ языковых фактов, и диахронного, лишенного будто бы такой опоры, вызвал необходимость преодоления существующего противопоставления и прежде всего использования системных связей в диахронических исследованиях» [3, 5].

Синхронно-диахроническое исследование словообразовательных процессов, таких как внутриглагольная префиксация, представляет актуальную задачу современной лингвистики, так как способствует преодолению разрыва между синхронным и диахроническим словообразованием, между общей теорией языка и описанием отдельных фактов словообразования, позволяет лучше представить динамику развития словообразовательной системы, выявить механизм словообразовательных процессов, обнаружить наиболее явные тенденции языкового развития. Исследование приставочных глаголов традиционно ведется либо на современном языковом материале, либо в диахронии на одном из временных срезов (чаще всего это или XI–XIV вв.; или XI–XVII вв., реже XVIII в.). Синхронно-диахронический анализ дает возможность охватить весь письменный период русского литературного языка, что позволяет представить процесс в целом, более или менее полно отразить картину эволюции одной из важных словообразовательных подсистем языка.

Процесс формирования значений глагольных приставок может быть отражен в виде динамической семантической модели, то есть обобщающей схемы, для создания которой

необходима опора на конкретный языковой материал, относящийся к основным периодам языковой эволюции ([4]).

Совокупность производящих беспрефиксных глаголов исследуется как единая производящая база, процесс формирования которой регулируется прежде всего семантическими закономерностями, а описание которой может вестись по комплексной методике, учитывающей семантические и синтаксические характеристики базовых глаголов, их первично производный или непроизводный характер, выявляемый применительно к системе древнерусского языка. Представляется, что только комплексное синхронно-диахроническое описание производящей базы может способствовать описанию различных видов словообразовательных отношений, выявлению самого механизма словообразовательных процессов.

Сочетаемость структурных компонентов производного глагольного слова – приставки и производящего глагола – является главной движущей силой словообразовательного процесса глагольной префиксации. В процессе динамического анализа словообразовательной сочетаемости выявляются качественные и количественные изменения в составе производящей базы, закономерности появления глаголов со связанными основами, особенности взаимодействия базовых глаголов с приставками на уровне отдельных ЛСВ.

Построение динамической семантической модели глагольной префиксации позволяет выявить закономерности семантической эволюции приставочных глаголов. Развитие семантики глагольной приставки определяется в первую очередь действием тенденции к большей абстрактности выражения значений и дифференциацией отдельных приставочных значений, отличавшихся в древнерусском языке диффузностью.

Синхронно-диахроническое исследование процесса глагольной префиксации позволяет поставить вопрос о соотношении сочетаемости и валентности структурных компонентов словопроизводства как о соотношении статики (обнаруживаемой на каждом из синхронных срезов) с динамикой (как реализацией потенциальных возможностей системы).

Литература

1. Трубачев О. Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994. С. 16–29.
2. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Казань, 1987.
3. Баранникова Л. И. О соотношении системного и диахронического подходов к языку (к истории вопроса) // Язык и общество. Диахронический аспект в изучении языка. Межвузовский сб. научн. тр. Выпуск 11 / Под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов, 1997. С. 3–6.
4. Дмитриева О. И. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации // Саратов, 2005.

Глагольные префиксы в видо- и словообразовательной системе русского языка (в сопоставлении с английским)

Л. Д. Дубовикова, М. Ю. Черткова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Аспектология, категория вида, префиксация, префиксальные видовые пары, способы глагольного действия, новые перфективированные глаголы

Summary. Russian Verbal prefixes in Aspect, Actionart and new Verbs and their comparison with the English Verbal prefixes.

1. Основными средствами передачи категории вида в русском языке являются суффиксы и префиксы. Префиксы – это морфемы, перфективирующие глаголы НСВ и участвующие в видо- и словообразовании. В современном языке имеется не 28 [Русская грамматика–80, 586–588], а 34 глагольных префикса ([9], [10]): *a-* (*ак-*, *ан-*, *ас-*, *ат-*), *в-*, *вз-* (*взо-*, *вс-*), *воз-* (*возо-*, *вос-*), *вы-*, *де-* (*дез-*), *ди-* (*дис-*), *до-*, *за-*, *и-* (*ил-*, *им-*, *ин-*, *ир-*), *из-* (*изо-*, *ис-*), *интер-*, *ком-* (*кон-*, *кор-*), *на-*, *над-* (*надо-*), *недо-*, *низ-* (*низо-*, *нис-*), *о-*, *об-* (*обо-*), *от-* (*ото-*), *пере-*, *по-*, *под-* (*подо-*), *пре-*, *пред-* (*предо-*), *при-*, *про-*, *раз-* (*разо-*, *рас-*), *ре-*, *с-* (*со-*), *со-*, *транс-*, *у-*, *э-* / *экс-*: *аннулировать*, *въехать*, *взволновать*, *возвысить*, *выбежать*, *дезинфицировать*, *дисквалифицировать*, *дорисовать*, *задумать*, *интонировать*, *измучить*, *интернационализировать*, *консолидировать*, *нарезать*, *настроить*, *недолюбливать*, *низложить*, *обрисовать*, *отомстить*, *перелить*, *постирать*, *подставить*, *предпринять*, *приклеить*, *пробить*, *рассыпать*, *регрессировать*, *склонить*, *трансформировать*, *убрать*, *экспорттировать*. 17 префиксов являются чистовидо-

выми: *вз-* (*взо-*, *вс-*), *воз-* (*возо-*, *вос-*), *вы-*, *за-*, *из-* (*изо-*, *ис-*), *на-*, *о-*, *об-* (*обо-*), *от-* (*ото-*), *пере-*, *по-*, *под-* (*подо-*), *при-*, *про-*, *раз-* (*разо-*, *рас-*), *с-* (*со-*), *у-*: *волноваться* – *взволноваться*, *ненавидеть* – *возненавидеть*, *лечить* – *вылечить*, *планировать* – *запланировать*, *печь* – *испечь*, *рисовать* – *нарисовать*, *слабеть* – *ослабеть*, *венчать* – *обвенчать*, *редактировать* – *отредактировать*, *ночевать* – *переночевать*, *темнеть* – *потемнеть*, *готовить* – *подготовить*, *готовить* – *приготовить*, *сверлить* – *просверлить*, *сердить* – *рассердить*, *есть* – *съесть*, *жалить* – *ужалить*.

2. Дадим классификацию всех префиксальных коррелятов СВ глагола *смотреть*.

2.1. Наличие / отсутствие **видовой пары** определяется согласн критерию истинности видовой пары Ю. С. Маслова ([4]): глаголы СВ трансформируются в свои парные корреляты в значении настоящего исторического. Как нам представляется ([8, 111–113]), этот критерий является единственным «работающим», но и он должен быть дополнен требованием трансформации таксисной последовательности

не менее трех глаголов СВ: *Внутри шло богослужение, я сейчас уж протолкался туда, постоял, послушал и по-смотрел на стенах картины знаменитых мастеров* (А. Кузнецов). Выделяем две видовые пары: *смотреть / посмотреть* (что?) – результирующая пара (*посмотреть* фильм); *смотреть / посмотреть* (что?) – делимитативная пара (*посмотреть* два часа телевизор) – пр. – *Не отстану от новостей театральной жизни и посмотрю весной не одну премьеру* (Веч. Москва); *Как приятно после суетного рабочего дня растянуться на удобном кресле и посмотреть телевизор* (Идеи для дома).

2.2. Новые глаголы, среди которых **способы глагольного действия** (СГД), передают идею времени и образуются по определенным семантико-формальным моделям с помощью префиксов и циркумфиксов: *смотреть* → *досмотреть*; *смотреть* → *досмотреться*; *смотреть* → *засмотреть*; *смотреть* → *засмотреться*; *смотреть* → *насмотреться*; *смотреть* → *отсмотреть*; *смотреть* → *пересмотреть*; *смотреть* → *посматривать* – пр. – *И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку* (В. Шукшин); *В моем доме все чада уже спали, отговорили между собой и по телефону, отсмотрели телевизор* (А. Сурикова).

2.3. **Новые глаголы:** *смотреть* → *всмотреться*; *смотреть* → *высмотреть*; *смотреть* → *осмотреть*; *смотреть* → *осмотреться*; *смотреть* → *отсмотреть*; *смотреть* → *пересмотреть* (изменить что-либо); *смотреть* → *подсмотреть* (что?); *смотреть* → *подсмотреть* (найти); *смотреть* → *предусмотреть*; *смотреть* → *присмотреть* (что?); *смотреть* → *присмотреть* (за кем?); *смотреть* → *присмотреться*; *смотреть* → *просмотреть* (что?); *смотреть* → *просмотреть* (не заметить); *смотреть* → *рассмотреть* (что?); *смотреть* → *рассмотреть* (решить); *смотреть* → *усмотреть* – пр. – *Это обстоятельство и вынудило мстечковцев пересмотреть свою лесную политику и внести в нее свой мстечковский порядок* (В. Быков); *Он давно присмотрел эти штiblеты* (В. Аксенов).

3. В английском языке значительно меньше глагольных префиксов, все они участвуют лишь в словообразовании: *a-* (*an-*, *ap-*), *com-* (*col-* *con-* *cor-*), *dis-*, *in-* (*il-*, *im-*, *ir-*), *mis-*, *over-*, *out-*, *re-*, *un-*, *under-*. В докладе будет показано, что префиксы в английском языке полифункциональны; они создают различные СГД и новые глаголы: *We collaborate with the newspaper* – Мы сотрудничаем с этой газетой; *We disannulled (annulled) our declaration* – Мы аннулировали заявле-

ние; *The teacher dismissed (missed) the discussion of this matter* – Учитель прекратил (пропустил) обсуждение данного вопроса; *He undid (did) a treaty* – Он расторг (составил) договор; *The government illegitimated (legitimated) the actions* – Правительство объявило эти действия незаконными (законными); *I reread the interest book* – Я перечитал эту интересную книгу; *I overcame my fear* – Я преодолел свой страх; *The scholar outlined a wide research* – Ученый обозначил свое исследование; *I underdid (did) the meat* – Я дожарил мясо.

4. Таким образом, глагольные префиксы русского и английского языков принципиально различаются тем, что в русском языке они участвуют не только в образовании новых лексем, но и в образовании видовых пар. Дифференциация этих явлений представляет чрезвычайную трудность для иностранных учащихся. Методика преподавания видо- и словообразования русских глаголов в нерусской аудитории, выстроенная в сопоставительном плане с родным языком учащихся, способствует успешному усвоению данного материала.

Литература

1. Авилова Н. С. Вид и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. Бондарко А. В. Предельность и глагольный вид (на материале русского языка) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и язык. 1991. Т. 50. № 3.
3. Кронгауз М. А. Префиксация как аспектологическая проблема в русском языке // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2 / Под ред. М. Ю. Чертовой. М., 1997.
4. Маслов Ю. С. Вид и значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и язык. 1948. Т. 7. Вып. 4.
5. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М., 2005.
6. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).
7. Смирницкий А. Н. Морфология английского языка. М., 1959.
8. Чертова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
9. Чертова М. Ю. Типология категории вида / аспекта в разноструктурных языках мира. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2005.
10. Чертова М. Ю. Двувидовые глаголы русского языка как зеркало развития универсальной категории вида / аспекта // *Glagoľ'nyj vid y lexicografija. Slavolinguistica 4* / Ed. V. Lehmann. München, 2006.
11. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллинн, 1983.

Виды глагола в функциональном аспекте (на материале архангельских говоров)

В. А. Закревская

Тюменский государственный университет

Совершенный вид, несовершенный вид, лексическая сочетаемость

Summary. Some peculiarities of the usage of the verbs of different aspects in dialect language are analyzed in this paper.

Продолжающиеся на протяжении длительного времени и не прекращающиеся в последние годы поиски инварианта вида ([6]) заставляют исследователя при анализе языкового материала использовать функциональный подход ([2], [3], [4], [5], [7], [8], [9]). Однако, как нам кажется, анализ употребления видовременных форм носит фрагментарный характер. К тому же чаще объектом исследования становится художественный текст. Есть основания полагать, что в устной речи видовременные формы имеют особенности в своем употреблении по сравнению с кодифицированным языком ([1], [10]). В связи с этим вполне оправданным представляется обращение к диалектной речи, анализ которой позволяет увидеть то общее, что свойственно разговорной речи любого носителя языка.

Целью сообщения является попытка описать некоторые особенности функционирования глаголов разных видов в диалектной речи. Материалом послужили как собственные записи, сделанные во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область, так и богатейшая картотека «Архангельского областного словаря», хранящаяся в кабинете диалектологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Анализ материала выявил любопытную картину. С одной стороны, в архангельских говорах отмечается более широкий потенциал глагольных форм совершенного вида по сравнению с литературным языком, а именно: нередкое

употребление в контекстах со значением длительности или кратности действия. Например: *Тожо постоянно напьётся. Почти каждой день выпью. Она всё пошла на бор. Я посидела долго.* Данная черта (сочетаемость с показателями длительности или повторяемости действия) сближает архангельские говоры с некоторыми западнославянскими языками.

С другой стороны, в говорах достаточно «силен» и несовершенный вид, поскольку велика возможность образования вторичных имперфективов практически от любого приставочного глагола: *Песок-от воду засариват, трубу* [колодец]. *Я учюла: кто-то идет, выехиваю* [гоню]. *Нокти обрезавала.* Исследователи славянских языков (см., например, работы Е. В. Петрухиной) обычно отмечают маркированность одного из видов в системе. Своеобразное проявление в говорах обоих видов заставляет говорить о них как о двух разных (хотя и пересекающихся) «категориях», каждая из которых требует скрупулезного описания.

Литература

1. Закревская В. А. Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.
2. Золотова Г. А., Ошипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
3. Лобанова Н. А. Употребление видов глагола. М., 1975.

4. Ломов А. М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
6. Падучева Е. В. Семантический инвариант видового значения глагола в русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004.
7. Петрухина Е. В. Особенности употребления и семантики видов в повествовательных текстах // Проблемы функциональной грам-

матики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.

8. Прокопович Е. Н. Глагол в предложении: Семантика и стилистика видовременных форм. М., 1982.
9. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
10. Ровнова О. Г. Употребление грамматических форм в русской диалектной речи // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.

Семантика вида и типология предикатов (по данным русского и лезгинского языков)

К. Р. Керимов

Дагестанский государственный университет, Махачкала
Kerimk@mail.ru

События, процессы, состояния, семантика вида

Summary. The assignments of Russian verbs on aspectual-symantical classes of predicates' types based upon opposition "statics – dynamics". But in the basis of semantics of species opposition the relations of action to limit. The opposition "statics – dynamics" gets the grammatical expression in the wordchangeable form's category of Lezgi language. That's why predicates' be absent here.

Поскольку типы предикатов – аспектуально-семантические классы глаголов действия, состояния, отношения – признаются различными способами концептуализации явлений динамической картины мира, то и видовые значения, закрепленные за определенными типами предикатов, предстают как семантическая составляющая концептуального содержания глаголов. Это согласуется с трактовкой русского вида как несловоизменительной категории, т. е. признанием даже парных глаголов СВ и НСВ разными словами. Сказанное можно иллюстрировать примерами обозначения

статальной, процессной и событийной ситуаций глаголами с одинаковым лексическим, но разным аспектуально-семантическим содержанием: события – *сесть, встать, лечь*; состояния – *сидеть, стоять, лежать*; процессы перехода в состояние (а также повторяющиеся события) – *сидеться, вставать, ложиться*.

Иначе разграничивает те же ситуации лезгинский язык. Они здесь концептуализуются не в виде типов предикатов, а на грамматическом уровне – в значениях словоизменительных форм одного и того же глагола:

словарная форма (масдар)		события (аорист)	состояния (перфект)	процессы (презент)
<i>ацукъун</i>	'сесть / садиться'	<i>ацукъна</i>	<i>ацукънава</i>	<i>ацукъзава</i>
<i>къарагъун</i>	'встать / вставать'	<i>къарагъна</i>	<i>къарагънава</i>	<i>къарагъзава</i>
<i>къаткун</i>	'лечь / ложиться'	<i>къаткна</i>	<i>къаткнава</i>	<i>къаткизва</i>

Форма аориста выражает событие: *И арада ам тадиз къарагъна, экъечIна айвандихъ* 'Тут он быстро встал, вышел на веранду'. Перфект, образуемый от аориста, передает состояние, установившееся в результате события: *Вун къе вуч фад къарагънава* (< *къарагъна + ава*)? 'Ты что это так рано встал (встал (и) пребываешь) сегодня?' Презент может обозначать процесс «вставания», повторяющееся событие, а также единичное событие, когда замещает форму аориста при повествовании в *praesens historicum*: *Ам, юкъ къуна, гужуналди къарагъзавай* (< *къарагъзун + ава-й*) 'Он, схватившись за поясницу, с трудом вставал (вставая пребывал)'; *Гъар юкъуз экв жедалди капI ийиз къарагъзава* 'Каждый день до рассвета молиться встает'; *И арада ам тадиз къарагъзава, экъечIзава айвандихъ* 'Тут он быстро встает, выходит на веранду'. Эти примеры соответствуют контекстам, в которых устанавливается видовая коррелятивность глаголов СВ и НСВ русского языка с использованием «критерия Маслова».

В отношении категории вида лезгинского языка не существует проблемы установления видовой парности, поскольку СВ и НСВ каждого глагола есть именно формы словоизменения. Один и тот же глагол, как и в приведенных выше примерах с глаголом *къарагъун* 'вставать / встать', разными своими формами обозначает событие, состояние или же процесс. Соотношения форм СВ (аориста, перфекта и производных от них) и форм НСВ (презенса и производных от него) лезгинского глагола совмещают, с одной стороны, соотношения между глаголами СВ и НСВ русского языка в видовых парах, а с другой стороны, соотношения между предикатами состояний типа *стоять, сидеть* и предикатами событий и процессов типа *встать, сесть* и *вставать, садиться*.

Оппозиция статичность / динамичность, отношение к которой лежит в основе разграничения типов предикатов, носит в русском языке, как и оппозиция П / НП действия, лексико-семантический статус. Грамматическое выявление она имеет лишь косвенное, во взаимодействии с категорией вида, которое заключается в отсутствии у глаголов состояний, отношений и неопредельных процессов видовых пар СВ.

В лезгинском языке грамматическое выражение в видовой оппозиции получает именно признак статичности / динамичности действия. Форма НСВ как бы включает обозначаемое глаголом действие (в широком смысле) в течение

объективного времени. Для глаголов собственно действий такая включенность означает процессность. Под динамичностью здесь имеется в виду, прежде всего, такое неотъемлемое свойство процесса, как протекание действия от более ранних моментов к более поздним (ср. [ТФГ 1987, 85]). Признак динамичности для форм НСВ глаголов состояний и отношений заключается в актуализации их протяженности во времени от более ранних моментов к более поздним.

Разумеется, глаголы лезгинского языка можно, опираясь на лексическое значение, разделить на обозначения состояний, отношений и собственно действий. Но такая классификация будет иметь внеязыковую базу. Т. е. события, процессы, состояния, отношения существуют для лезгинского языка лишь в денотативной сфере.

Представляется, что причина отсутствия в русском языке видовой пары СВ у глаголов, обозначающих состояния и отношения, неопредельные процессы, в принципе та же, что лежит в основе распределения грамматических категорий между существительными и глаголами. За первыми закрепляются категории, более релевантные семантике субстантивов. Склонность глагольных предикатов обозначать явления динамической картины мира, «чувствительных» к времени, способствует закреплению за ними категорий вида, времени, связанных с понятием времени.

К этому можно добавить, что степень «чувствительности» самих глаголов к категориям, связанным с понятием времени, тоже не одинакова. События и предельные процессы более «чувствительны» к времени, нежели отношения и состояния. Поэтому обозначения разных ситуаций по-разному сочетаются с видовыми значениями. В тезисе о том, что явления, происходящие в мире, концептуализуются русским языком одним из трех способов: как *состояния, события* или *процессы*, – ощущается смещение языковых значений и явлений отражаемой действительности. Состояния, события и процессы существуют именно в денотативной сфере, а язык концептуализует их все в виде *действий* (в широком или аспектологическом понимании), включая тем самым в течение времени. Ведь не случайно на вопрос *Что делать?* отвечают и глагол *лежать*, и глагол *бежать*. *Лежит* – это состояние, включенное в течение времени, его статичность принадлежит денотативной сфере.

О синтаксических функциях видовых форм в русском языке

И. П. Кюльмоя, М. А. Шелякин

Тартуский университет (Эстония)

Видовые формы, таксисные, конструктивно-синтаксические, текстовые функции

Summary. The aspectual forms of verbs in Russian have definite syntactic functions which are based on their primary morphological meanings. They include taxic, syntactic-constructional and textual functions.

В современной аспектологии обычно изучаются и обсуждаются морфолого-грамматические значения видовых форм русского языка и в меньшей мере – их синтаксические функции. Между тем они играют важную роль в построении русских предложений (простых и сложных), словосочетаний и текстов.

Под синтаксическими функциями видовых форм понимаются свойственные им синтаксические значения, выражающие определенные отношения предикатов в структуре предложений, словосочетаний и текстов. Такие значения видовых форм являются вторичными и опираются на их первичные морфологические значения, подразделяясь на таксисные, конструктивно-синтаксические и текстовые. Первые выражают соотносительные связи предикатов и подразделяются на однократно-соотносительные и кратно-соотносительные. Вторые выражают отношения между предикатами и субъектами в простых и сложных предложениях, третьи – соотносительные связи между предикатами предложений, входящих в структуру текста.

1. Синтаксические функции видовых форм при выражении однократно-соотносительных и кратно-соотносительных действий представлены всеми возможными комбинациями видов: НСВ + НСВ; НСВ + СВ; СВ + НСВ; СВ + СВ.

Основным типом таксисных отношений, выражаемых в кратно-соотносительных конструкциях, являются отношения одновременности, что связано с бывшим употреблением имперфекта совершенного вида, устанавливавшим отношения между целостными действиями. Таксисные отношения одновременности не допускаются в КСК в «чистом виде», в 90% случаев они осложнены различными оттенками обусловленности. Поэтому наиболее частотной и характерной формой для современных кратно-соотносительных конструкций, как и для древнерусских, является форма совершенного вида глагола, вместо которой возможно синонимическое употребление формы несовершенного вида в единично-фактическом значении.

В современном русском языке выделяются также кратно-соотносительные конструкции с безглагольной частью или с одним глаголом, что свидетельствует о их структурном расширении и продуктивности (типа: *Когда похвалят – приятно. Что бы ни было, отвечай: казначейство обокрадут – виноват, церковь сгорела – виноват, пьяных много на улице – виноват*).

Средствами выражения кратности соотносительных действий являются а) соотношения СВ + СВ, НСВ + СВ в определенных временных формах, поскольку они унаследовали функции древнерусского имперфекта совершенного и несовершенного вида в кратном значении, б) НСВ + НСВ в их неограниченно-кратно значении, в) лексические показатели кратности: *бывает / бывало, иногда, иной раз, каждый раз* и под., г) обобщающие слова типа *человек, наши брат, обычай, привычка* и под., д) глагольные формы с обобщенно-личным значением, е) местоименные сочетания типа *кто бы ни, кто только*, указывающие на дистрибутивную повторяемость, ж) повторяющиеся союзы *то... то, ли... ли, з)* предшествующий или последующий контекст.

2. Конструктивно-синтаксические функции видовых форм являются обязательными в составе структурных компонентов определенных моделей простых и сложных предложений в их типовых значениях. Такие синтаксические функции видовых форм имеют место, когда значения синтаксических структур соответствуют значению только одного вида, поэтому их можно назвать синтаксически связанными, обусловленными синтаксической структурой предложения. Таковы, например: модели простых отрицательных инфинитивно-сказуемых предложений с СВ и НСВ и дательным падежом, обозначающим субъект (*Тебе не сдать / не сдавать этот экзамен*); модель сложноподчиненного предложения с придаточной частью, в которых инфинитивный предикат НСВ с союзами *чем, вместо, чтобы* выражает уклонение лица от осуществления действия или косвенное побуждение не осуществлять действие (*Чем читать, лучше я пойду погуляю*); модель сложноподчиненного предложения с союзами *чем* + сравнительная степень наречия + НСВ, *тем* + сравнительная степень наречия + НСВ, выражающие зависимость степени развития действия главной части от степени одновременного развития действия придаточной части (*Чем выше мы поднимались, тем труднее становилось дышать*); модель сложноподчиненного предложения с союзным сочетанием *стоит* + инфинитивное сказуемое в придаточной части в форме СВ, выражающей непосредственное следование события главной части после события придаточной части (*Стоит / стоило его только попросить о чем-либо, как он уже отказывается / отказывался*); модель сложноподчиненного предложения с союзами *чтобы не, как бы не* + С / В в изъяснительных придаточных частях, относящихся к опорным словам со значением опасения и выражающих возможность осуществления обозначенных в них нежелательных действий (*Я боялся, как бы не опоздать. Мать волновалась, чтобы ребенок не простудился*).

3. Употребление видовых форм в тексте имеет важное значение для организации его целостности, установления отношений между его компонентами и выражения его коммуникативной направленности. Текстовые функции видовых форм опираются на их синтаксические функции. Так, выражение одновременности действий формами несовершенного вида придает тексту изобразительный фоновый характер, выражение последовательности целостных действий и частичной одновременности действий формами совершенного вида придает тексту динамический характер, развертывающий композицию текста и располагающий его события на линии времени повествования.

Текстовые функции видовых форм не сводятся лишь к организации художественных произведений. Соотношение форм совершенного и несовершенного вида может создавать коммуникативное оформление газетного сообщения, в котором совершенный вид развертывает информацию, а несовершенный вид формирует ее исходную часть, служащую основанием для развертывания информации.

Таким образом, употребление видовых форм в русском языке имеет свои особенности в зависимости от синтаксически автономной позиции глаголов и синтаксически обусловленной позиции глаголов.

О соотношении возвратности и акциональности в семантике русского глагола

Е. Н. Никитина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Глагол, семантика, залог, возвратность, акциональность, субъект, коммуникативная грамматика

Summary. In the report the correlation between such features of Russian verbs as actionality (that is recognized in the modern linguistics as a number of special semes) and reflexivity will be regarded. Passive constructions lose the actional qualities, which doesn't let us recognize the active sentences and their passive transforms to be synonyms obligatorily. The different reflexive verbs are able to retain the actional qualities in different degrees though. The factors that allow them to keep the actional qualities will be proposed in the report.

1. Прототипическим значением глагола принято считать значение действия. Категория действия в лингвистике пред-

ставлена термином акциональность, который активно обсуждается; одни исследователи признают приоритет динами-

ки и собственной энергии субъекта, другие – одушевленность субъекта, наличие контроля над действием и целеполагания, третьи добавляют к этим признакам перцептивный модус (наблюдаемость). Тестом на акциональность является наличие стандартного повелительного наклонения (не желательного, не предсказательного, не должноствостельного – по А. А. Шахматову). Акциональные глаголы относятся к изо-семическим, которые характеризуются полной морфологической парадигмой.

2. Следуя морфологической логике, можно было бы предположить, что акциональный переходный глагол при соединении с частицей *-ся* должен сохранять свою акциональность (на этом основывается взгляд трансформационной грамматики на активные и пассивные конструкции как на синонимичные, что доказывается тождеством глагольных актантов, а не семантикой самого глагола). Однако в предложениях с возвратными глаголами (как бы их ни интерпретировали лингвисты) степень акциональности гораздо ниже, чем в предложениях с переходными глаголами.

3. В пассивных конструкциях происходит модификация типового значения как по линии субъекта, так и по линии предиката. Субъект действия (активный, целеполагающий, агенс) активной конструкции превращается в исполнителя, должност в пассивном предложении, что выражается нереперферентной именной группой субъекта действия. Предикат теряет динамичность, контролируемость (целеполагание меняется на предназначение), т. е. сужается возможность точек зрения – личная парадигма сужается до 3-го лица. Ти-

повое значение дистанцируется от говорящего – теряется сема наблюдаемости.

4. Однако возможность утраты акциональных свойств для разных глаголов различна. Если глагол обозначает действие в репродуктивном регистре, субъект которого представлен конкретнореферентным именем, то страдательная модификация для этого предложения невозможна (*Машиа режет пирог – ?Пирог режется Машией*). С другой стороны, способствуют потере акциональности, а значит, возможности образования страдательного залога: (1) неиндивидуальность имени, (2) неактуальность времени, (3) отсутствие перспекции (ретроспекция).

5. Соответственно, можно предположить, что при наличии возвратной частицы в глаголе возможны разные степени утраты акциональности. Пределом потери акциональных свойств глагола являются значения потенциальности, качественности, что касается не только возвратных, но и переходных глаголов.

6. Наблюдения показывают, что в таких парах, как *продается / покупается, хранится / выбрасывается, требуется / затребуются* вторые глаголы в парах более акциональны, чем первые. Препграда для потери акциональности может заключаться в семантике корня, в семантике приставки и в видовой характеристике глагола.

6. В докладе будут рассмотрены факторы, влияющие как на потерю акциональности, так и на ее сохранение. Будут проанализированы словарные статьи МАСа с целью показать, что не для всех возвратных глаголов возможна помета «страд. от ...».

Презентация глагольных видов в иноязычной аудитории (опыт синхронно-диахронического анализа)

Н. С. Новикова

Российский университет дружбы народов, Москва

Виды глагола, история языка, РКИ

Summary. In the paper author tries to link the history of language to the presentation of the aspects of verbs for teaching Russian as a foreign language. This kind of explanation may help students to feel the logic of aspect-tense system of the Russian verbs and better understand some rules of use of verb aspect forms.

Все преподаватели – практики, работающие в иностранной аудитории, сталкиваются с трудностями при презентации глагольных видов. И связано это прежде всего с тем, что само понятие вида оказывается чрезвычайно сложным для иностранцев, не имеющих в своих родных языках подобных категорий, где все особенности протекания действия выражаются с помощью различных временных форм. Как показывает наш опыт, сетуя на сложность видо-временной системы русского языка, студенты часто задают педагогу вопрос: почему русская грамматическая система вообще включает категорию вида, почему наш язык не ограничивается лишь временными глагольными формами?

Обычно в ответ на подобные вопросы преподаватель объясняет учащимся, что относительная «простота» временной системы русского глагола (по сравнению, например, с системой глагольных времен в английском языке) не позволяет выразить в предложении характеристики протекающего действия (является ли оно однократным или многократным, протяженным или мгновенным, результативным или безрезультативным и т. д.), ограничиваясь лишь указанием на временные рамки (соотнесенностью с прошлым, настоящим и будущим). Компенсировать такую недостаточную детализованность, дополнить описание того, когда протекает действие, информацией о том, как оно протекает, и призвана категория вида. Но глубинные причины, лежащие в истории языка и определившие сам принцип формирования категории вида остаются «за кадром». А, как показывает наш опыт, именно история возникновения видовых различий оказывается чрезвычайно интересной и полезной для учащихся, помогая им проникнуть в суть данной языковой категории, сопоставить ее с языковыми категориями родного языка, лучше понять логику выбора той или иной видовой формы. Диахронический подход оказывается полезным инструментом при презентации языкового явления в синхронии.

При таком подходе студентам дается краткий экскурс в историю глагольных форм с анализом тех значений, которые выражали аорист, плюсквамперфект, древние имперфект и перфект, а также оппозиций, в которые вступали эти

временные формы (как известно, перфект и аорист противопоставлялись с точки зрения наличия / отсутствия связи с настоящим, аорист и имперфект противопоставлялись по наличию / отсутствию ограничений на длительность действия, имперфект и перфект – по наличию / отсутствию ограничений на повторяемость, плюсквамперфект и имперфект – по наличию / отсутствию ограничений на последовательную связь событий. Всю эту информацию удобно представить в виде таблицы (которая будет приведена в докладе).

Далее представляется полезным объяснить студентам логику возникновения видов: в ходе исторического развития плюсквамперфект и аорист постепенно исчезают, но оппозиции, членами которых они являлись, сохраняются. Поэтому с исчезновением аориста его роль немаркированного члена в оппозиции «наличие / отсутствие связи с настоящим» берет на себя имперфект, а роль маркированного члена в оппозиции «наличие / отсутствие ограничений на длительность» переходит к перфекту. С уходом плюсквамперфекта его роль маркированного члена оппозиции «наличие / отсутствие ограничений на последовательную связь событий» передается перфекту. Таким образом, с исчезновением плюсквамперфекта и аориста оставшиеся перфект и имперфект оказываются противопоставленными по всем четырем признакам, а не по одному (как было раньше). Все это привело к увеличению количества ситуаций, требующих употребления именно имперфекта (превратившегося в современный несовершенный вид) или именно перфекта (ставшего, соответственно, совершенным видом).

При таком объяснении иностранцам становится понятна логика возникновения категории вида, становятся ясны некоторые особенности функционирования видов: почему, например, глагол СВ в форме прошедшего времени может обозначать и мгновенное действие (когда «за маской» современного СВ проступают черты древнего аориста), и действие в прошлом, результат которого сохраняется в настоящем (это значение получено от древнего перфекта), и одиночное законченное действие в последовательной цепочке событий («наследство» от ушедшего плюсквамперфекта).

Актуальные вопросы современной аспектологической терминологии

Е. Я. Титаренко

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь (Украина)

Глагол, категория вида, аспектология, терминология

Summary. This report contains the research of such aspectological terms as aspect, limit, aspectual pair etc.

Отсутствие единства терминологии, отраженной и закрепленной в специальном словаре; наличие терминов-дублетов, омонимов и синонимов; крупные расхождения между славистами и американо-английскими лингвистами в употреблении терминов **вид (аспект)** и др. вызывает у аспектологов справедливое чувство неудовлетворенности. Позиции не совпадают даже по таким базовым терминам, как **вид, аспект, предельность, способ действия, акционсарт, видовая пара, одновидовой и двувидовой** глагол и т. д.

Еще Ю. С. Маслов призывал установить в аспектологии соответствия между национальными и интернациональными терминами. Принцип взаимнооднозначного соответствия национальных и интернациональных терминов-дублетов исключает какое бы то ни было расхождение в их значении ([3, 366]). В связи с этим тенденция «развести» термины **вид** и **аспект** не вызывает одобрения. Последовательно доказывая универсальность категории вида / аспекта в языках мира, М. Ю. Черткова справедливо утверждает, что термин **аспект** – это перевод термина **вид** на английский и другие неславянские языки. Они «обозначают одно и то же понятие, которое имеет одни и те же инварианты плана содержания, но разные формальные средства в планах выражения различных языков» [7, 188]. То же можно сказать о терминах **способ действия** и **акционсарт**. Термин **акционсарт**, которым обычно называют способы действия, также неоднозначен. «Категория акционсарта используется в настоящее время в качестве некоего мусорного ящика, куда складывают все проявления деривационной лексической или иной непарадигматической видовой семантики. Таким образом, все, что в грамматике конкретного языка является не строго регулярным, считается акционсартом» [1, 43].

Именно в аспектологии наблюдается чрезвычайное распространение терминологических синонимов и омонимов, пишет Т. В. Булыгина, причем «наибольшей (и заслуженной) популярностью пользуется здесь термин «предельность / неопределенность», имеющий несколько (квази)синонимов и квазиомонимов» [5, 149]. Автор даже считает необходимым пожертвовать им «во избежание вавилонского столпотворения в соответствующей области», несмотря на то, что термин очень удобный и относится к очень важному аспектологическому понятию.

Еще одну группу спорных терминов представляют взаимосвязанные термины **видовая пара, одновидовые** и **двувидовые** глаголы. По мнению М. Ю. Чертковой, вводит новые термины нецелесообразно, т. к. при этом «размывается» само понятие вида. Она предлагает различать **пары** (видовые пары) и **не пары** ([6]). Весьма устойчивым, несмотря на критику Ю. С. Маслова, оказался термин **двувидовой** (глагол). Данный термин по своей структуре должен соотноситься с термином **одновидовой** (глагол). Если называть глаголы типа **обещать** термином **двувидовые**, то **одновидовыми** следует называть все остальные глаголы. Однако широко распространено употребление термина **одновидовые** по отношению к глаголам типа **стоять** и **очнуться**. Если эти глаголы по-прежнему будут называться **одновидовыми**, то **двувидовыми** следует называть все глаголы, имеющие видовые пары (и типа **обещать** и типа **решать**) – [3, 376–377].

Мы разделяем русские глаголы на **парные (соотносительные по виду)** и **непарные (несоотносительные по виду)**. Среди **парных** выделяются **двувидовые глаголы**, представляющие собой как бы ядро грамматической категории вида, т. к. именно у этих глаголов наблюдается полное совпадение лексического значения СВ и НСВ в одной форме. Некоторые **двувидовые глаголы** имеют и параллельно функционирующие корреляты другого вида (например, **иллюстрировать** – **проиллюстрировать**). **Непарные** называются **одновидовыми** глаголами.

В нашей системе аспектуальных терминов имеется еще два: **грамма** и **фазовая парадигма** глагола. В глагольном слове тесно переплетено лексическое и грамматическое значение. Носителями лексического значения, как известно, являются **семь**, а носителями грамматического значения – **граммы** ([4]).

Фазовая парадигма глагола включает все дериваты противоположного вида, находящиеся в отношениях прямой мотивации. Фазовую парадигму можно сравнить с приставочной парадигмой глагола. М. А. Кронгауз отмечает, что приставочная парадигма не является частным случаем словообразовательной парадигмы. Семантически близкие глаголы имеют сходные приставочные парадигмы. Анализ приставочных парадигм дает основания для семантической классификации бесприставочных глаголов ([2, 113]). То же можно сказать и о фазовых парадигмах, которые можно составить для любого (не только бесприставочного) глагола, как СВ, так и НСВ. Например: **Слышать** – **заслышать, расслышать, прослышать, услышать, ослышаться, наслышаться, недослышать**. В фазовую парадигму входят и видовая пара и все **глаголы способов действия**, как **модификации**, так и **мутации**. Таким образом, **фазовая парадигма** – понятие более широкое, чем **способы действия**, и гораздо более формализованное.

Итак, несмотря на то, что синонимия терминов – явление нежелательное, наличие национально-интернациональных терминологических дублетов вполне допустимо. Дублетами являются термины **вид / аспект, лимит / предел, способ действия / акционсарт** (как и **множественность / итеративность, накопительность / кумулятивность** и т. п.). Русские глаголы подразделяются на **парные** (в число которых входят **двувидовые**) и **непарные (= одновидовые)**. **Двувидовые** глаголы являются по сути грамматическими омонимами СВ и НСВ. **Видовые пары** – это видовые корреляты и дериваты, состоящие в отношениях прямой словообразовательной мотивации. Они делятся на **чисто** или **собственно видовые** и **несобственно видовые** пары, в зависимости от степени совпадения лексического значения. **Одновидовые** глаголы не имеют никаких пар (**ринуться, учительствовать** и т. п.).

Большинство русских глаголов имеет **фазовые парадигмы**, которые представляют собой гнездо родственных, однокорневых глаголов противоположного вида: для глагола СВ – это все глаголы НСВ, состоящие с ним в отношениях прямой мотивации, для глагола НСВ – все глаголы СВ и многократный глагол НСВ (типа **хаживать**). В фазовую парадигму на общих основаниях входит и парный (или парные) глаголы (или их ЛСВ).

Литература

1. Васильев В. И. Когнитивные образы аспектуальных значений. М., 1999.
2. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
3. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2004.
4. Титаренко Е. Я. Лексические и грамматические семы русского глагола // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Межд. конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004. С. 263–264.
5. Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997.
6. Черткова М. Ю. Видовая пара в современном русском языке: к определению понятия // Семантика и структура славянского вида – П. Краков, 1997. С. 241–252.
7. Черткова М. Ю. Типология и эволюция функционально-структурных моделей категории вида / аспекта (на материале современных русского, французского, шведского, финского и японского языков) // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М., 2004. С. 183–252.

Синтаксические свойства деепричастий в составе синтаксической группы

О. М. Чупашева

Мурманский государственный педагогический университет

Синтаксические связи и отношения, параллельная связь, полупредикативность, характер многозначности

Summary. Adverbial participle of syntactic group has several connections: parallel, semi-predicative and subordinating. They cause polysemy of adverbial participle, the polysemy is indefinite, simultaneous and bound / free.

Синтаксические свойства языковой единицы устанавливаются путем анализа прежде всего ее синтаксических связей и синтаксических отношений (грамматического значения). Синтаксическая группа представляет собой синтаксическую конструкцию, формируемую на основе параллельной связи. При параллельной связи два компонента предложения называют один и тот же предмет, одно и то же явление, но по-разному, то есть имеют общую денотативную отнесенность, а значит, данная связь основана на тождестве. Параллельную связь называют также пояснительной, ее показателем служат союзы *а именно, то есть* как эксплицитные, так и имплицитные. Обозначая один и тот же предмет по-разному, указанные члены предложения равноправны в формальном отношении, что, однако, не является признаком равноправия их в других аспектах. Семантическое неравноправие компонентов заключается в том, что один из них, обычно первый, выступает как основной, поясняемый, а другой – как поясняющий. Отсюда, параллельная связь весьма своеобразна: формальное равноправие частей пояснительных конструкций является признаком сочинения, семантическое неравноправие частей – признаком подчинения. Пояснительные отношения относят к сочинению ([РГ-80: II, 168]); скорее всего это его периферия.

Как свидетельствуют факты языка, деепричастия объединяются параллельной связью с компонентами предложения, различными по структуре и по морфологическому выражению, при этом обязательным условием является наличие у таких компонентов обстоятельного значения. Оно диктуется сущностью параллельной связи и обстоятельственным значением деепричастия, у которого в данном случае актуализируются наречные свойства.

Деепричастия связываются параллельной связью с другими деепричастиями, с местоименными и местоименными наречиями и предложно-падежными формами существительных. Рассматриваемая синтаксическая группа имеет вид: «подлежащее, глагол-сказуемое, деепричастие, *а именно / то есть*, деепричастие» или «подлежащее, глагол-сказуемое, наречие / существительное, *а именно / то есть*, деепричастие». Местоименные наречия, будучи семантически опустошенными, наполняются конкретным лексическим содержанием деепричастия (деепричастного оборота). Параллельная связь возможна и в случае, когда местоименное наречие находится в позиции обобщающего слова при однородных членах, выраженных только деепричастиями или наречиями и деепричастиями: в таком случае наблюдается совмещение синтаксической группы и синтаксического ряда. Формализует связь деепричастия в составе группы, возглавляемой местоименными наречиями, союз *а именно*.

Параллельная связь деепричастий с местоименными наречиями формализуется в союзе *то есть*: выбор пояснительного союза определяется различием пояснительных значений конструкции. Различие в семантическом наполнении местоименных и местоименных наречий, а отсюда, и в значениях пояснительных конструкций обуславливает различия в характере связи деепричастий с наречиями. Если связь деепричастий с местоименными наречиями только параллельная, то их связь с местоименными наречиями может

быть не только параллельной, но и сочинительной. Ее характер в некоторой степени конкретизируется лексическим наполнением объединяемых компонентов, соотношением общего содержания деепричастия (деепричастного оборота) и наречия и формализуется в имплицитных союзах. Отсюда следует, что границы между параллельной и сочинительной связью достаточно зыбки. При сочетании в составе группы местоименных наречий с местоименными возможностями появления сочинительной связи между ними и деепричастиями устраняется, поскольку местоименные наречия в некоторой степени нейтрализуют фактор конкретности семантики контактирующего с ним местоименного наречия.

Существующая только в составе синтаксической группы, параллельная связь является для деепричастия факультативной. Она не исключает полупредикативной связи, а напротив, возможна только на ее базе. Полупредикативная связь деепричастия заключается в двунаправленной зависимости его в типичном случае от сказуемого и подлежащего (в двусоставных предложениях) или от глагола-сказуемого и дополнения (в односоставных безличных и инфинитивных предложениях). Помимо того, деепричастие подчиняется глаголу-сказуемому по типу примыкания. Две последние связи для деепричастия обязательны.

Наличие нескольких ветвей связи определяет грамматическую многозначность деепричастий и характер этих значений. Структура значения деепричастия в составе синтаксической группы такова: полупредикативность, обстоятельственные значения, пояснительное значение. Пояснительная семантика деепричастия формируется в составе синтаксической группы, она является для деепричастия внутренней и формируется на основе отношений между деепричастием и первым членом группы и формализуется в тех же пояснительных союзах, которые формализуют параллельную связь. Полупредикативное значение деепричастия формируется на основе его связи с подлежащим и глаголом-сказуемым. Одновременно деепричастие, как член, примыкающий к первому компоненту группы к глаголу-сказуемому, приобретает вместе с ним обстоятельственные значения. Эти значения создаются не внутри группы, а на основе отношений между деепричастием и глаголом-сказуемым, они в подобных случаях не имеют формального выражения в синтагматической цепи и проявляются в парадигме.

В силу того, что в деепричастиях одновременно совмещены несколько различных значений, их многозначность в составе синтаксической группы следует признать одновременной. Вмeste с тем она является неопределенной.

Не исключены маркёры грамматической семантики деепричастий. Возможные маркёры или являются общими для пояснительных и обстоятельственных значений, или принадлежат только одному, пояснительному, значению. В качестве общих маркёров выступают местоименные наречия; маркёрами обстоятельственных значений служат местоименные наречия и предложно-падежные формы существительных. Отсутствие / наличие структурных показателей семантики позволяет квалифицировать грамматическое значение деепричастий как свободное или связанное.

Повторяемость и вид

И. Б. Шатуновский

Международный университет природы, общества и человека «Дубна»

Совершенный и несовершенный вид, повторяемость, дистрибутивность

Summary. In Russian, both impv and pv verbs can express repetition but of different types. The impv verbs denote the repetition of a single indefinite event involving the same participants (as individuals or as members of the same kind) in each repetition. The pv verbs indicate the distributive repetition involving different individuals or different kinds (types) of objects. Both aspects can denote an iterative chain (sequence) of events repeating as a whole.

Существуют различные виды и типы повторяемости. Повторение в самом полном смысле слова имеет место тогда,

когда в повторяющемся положении вещей, события (точнее, конечно, **типе, роде** события, поскольку индивид-

ное событие по определению неповторимо) участвуют одни и те же индивидуальные актанты. В том случае, когда событие повторяется с разными индивидами одного рода (класса), при этом важно, что это **разные** индивиды (их индивидуальность не снимается, как в случае неопределенной референции), имеет место дистрибутивная повторяемость. Сама возможность возникновения значения повторяемости у того или иного глагола, а также характер этого значения определяется весьма простым обстоятельством: глагол должен обозначать то, что (онтологически) **может повторяться**. Это означает, во-первых, что повторяющаяся ситуация должна быть ограничена с обеих сторон во времени, иметь начало и конец – иначе это не будет **отдельное** событие, способное повторяться. Во-вторых, в случае собственно повторения (не дистрибутивного), то есть повторения с одними и теми же индивидами или неопределенными актантами, повторяющееся событие должно иметь вид **реверсивного** кванта, то есть обозначать или подразумевать возвращение (тем или иным образом) в исходную точку.

Способность глаголов выражать повторяемость зависит также от того, является ли то, что повторяется, **изолированным событием**, или же оно включено в цепочку, **последовательность событий**, которая повторяется **как целое** (в повторяющуюся последовательность событий). Если повторяющееся изолированное событие должно иметь реверсивный характер, то в составе повторяющейся последовательности событий (действий) это требование снимается, поскольку реверсивный характер в этом случае имеет вся повторяющаяся цепочка событий в целом (или какая-то ее часть) и результат обозначенного глаголом действия или события может аннулировать не в значении самого этого глагола, но каким-либо последующим глаголом (обозначенным им действием или событием) в этой цепочке. Напр.: *Я вздрагивал. Я загорался и гас. Я трясся. Я сделал сейчас предложение* (Б. Пастернак. Марбург), где повторяется реверсивная (как целое) цепочка *загорался и гас*; без последующего *гас* глагол *загорался* употреблен быть не может (равно как и *гас* без *загорался*): **Я вздрагивал. Я загорался. Я трясся. Я сделал сейчас предложение* – невозможно несколько раз загораться без того, чтобы столько же раз не гаснуть, что и должно быть указано.

СВ по самой своей сути обозначает **изменение, смену ситуаций**, при этом конечная ситуация, результат этого изменения не совпадает с исходной ситуацией. Такие глаголы по самой своей семантической сути не способны обозначать (в изолированном употреблении) повторяющееся (в полном смысле) действие. Глаголы СВ также способны обозначать повторяющееся событие, однако для этого требуются определенные условия. Так, обозначение повторения посредством глагола СВ возможно, если его значение представляет собой реверсивный квант, в результате совершения которого восстанавливается исходная ситуация и событие может повторяться. Такие глаголы сочетаются с показателями кратности (давая так называемое суммарное значение СВ): *несколько раз / три раза плюнул, обернулся, кивнул, поцеловал / ударил ее* и т. д. При этом ситуация, обозначаемая такими глаголами СВ, в отличие от ситуации, обозначаемой

повторяющимися глаголами НСВ, восстанавливается не полностью. Восстанавливается исходное положение актантов в пространстве, однако это положение возникает в иной последовательный момент времени, поскольку вернуться во времени назад нельзя. Поэтому такие глаголы СВ в сочетании с показателями кратности обозначают цепочку следующих друг за другом однородных (одинаковых) событий. Иное дело с глаголами НСВ. Вернуться во времени вспять нельзя. Но можно от конкретного, определенного момента времени **отвлечься**. Каждая отдельная ситуация, событие в значении повторяющегося НСВ, (каждый отдельный квант повторения) является **неопределенной**, отвлеченной от конкретного времени, не привязанной к какому-либо определенному пункту или периоду на временной оси (ту или иную временную локализацию имеет только повторение в целом). Поэтому значение повторяемости в глаголах НСВ соответствует инвариантному (прототипическому) его значению: обозначение «одного и того же», неизменного, неопределенно длящегося положения вещей.

Ограничение на передачу повторяющегося события глаголами СВ снимается, как и в случае с нереверсивными глаголами НСВ выше, если глагол СВ включен в цепочку, последовательность повторяющихся событий, которая повторяется как целое.

Не менее характерным для глаголов СВ в форме настоящего-будущего времени является выражение повторения отдельного (изолированного, не в последовательности) события. Однако это повторение, в силу описанной выше семантической специфики СВ, имеет особый характер. Поскольку в случае отдельного события, описываемого СВ, его итоговое состояние не аннулируется и исходная ситуация не восстанавливается, это событие не может повториться с тем же самым индивидуальным актантом (актантами). Однако оно может повториться с **другими** участниками (актантами). Отсюда следующий закон для употребления одиночного СВ, выражающего повторяющееся действие: такой глагол выражает **дистрибутивное повторение**, то есть повторение события с **разными** индивидуальными участниками. Так, *Только ястреб иногда пролетит над одинокой могилкой* (В. Каверин) предполагает, что в различных случаях повторения над могилкой пролетали разные индивидуальные ястребы; аналогично *Редкая птица долетит до середины Днепра* (Гоголь. Страшная месьть). Ср. также: *А вокруг старушка ходит и свечки гасит. Послушит палец и погасит, послушит и погасит*.

Глаголы СВ способны выражать различные типы дистрибутивного повторения – от простых до весьма сложных и обобщенных. Во многих случаях такое повторение может быть выражено только глаголами СВ. *Тузик – хорошее имя, – спорил Аким Ильич. – Все равно как Петр или Иван. А то назовут собаку Джана или Жеря. Что за Жеря – не пойму* (Ю. Коваль. Опасайтесь лысых и усатых) – разным собакам в разных случаях дают **разные имена**, однако имена этого **типа** (= странные имена), типа Джана или Жеря.

Специфика повторения, выражаемого СВ, обуславливает такие его свойства, как случайный (в различных случаях в разных смыслах) характер этого повторения и его потенциальность (в плане будущего).